

[https://doi.org/10.53360/3080-3861-2025-4\(4\)-2](https://doi.org/10.53360/3080-3861-2025-4(4)-2)
MPНТИ: 16.21.47

Х.Ш. Илиуф*, Т.Д. Исабаева

Шәкәрім университет,
071412, Республика Казахстан, г. Семей, ул. Глинки, 20А

*ORCID: 0009-0007-0038-2386

*e-mail: murat_20@mail.ru

К ВОПРОСУ О СЛОВАХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОНЯТИЕ «СЕМЬЯ» В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования слов с ядерной семой 'семья' в казахском языке. Отмечается, что слова *tütün*, *şańıraq* и *tündik (tündük)* в результате смыслового развития стали синонимами в своих вторичных значениях, определяя семью как субъект хозяйственной деятельности. Кроме того, в казахском языке встречалось изафетное словосочетание *tündik bası*, которое по грамматической структуре и композиционной семантике аналогично выражению *ot bası*. Обращается внимание на то, что понятие «семья» как элементарный социально-экономический комплекс в казахском языке выражалось такими парными словами, как *mal-jan*, *üy-jau*, а отделение женатых сыновей от отцовского очага и создание новых семей обозначалось словами *üy bol-*, *üy köter-*. Подчеркивается, что развитие новых лексических значений происходило в результате последовательных метонимических переносов названий, связанных со смежными явлениями или предметами (зажженный очаг – группа жильцов).

Потребность в слове, имеющем строго определенное значение 'совокупность близких родственников, проживающих вместе', вызвала появление в языке нового лексического образования *jan uya*, которое является метафорическим и встречается в художественном стиле речи, допускающем использование поэтических образов.

В результате изменения социально-экономических условий возникла необходимость в слове, обозначающем семью как новую социальную формацию и имеющем содержание 'группа живущих вместе родственников' (муж и жена, родители и дети), отвечающее юридическим отношениям и свободное от дополнительных смысловых нюансов. Авторы полагают целесообразным введение в лингвосоциальную практику использование слова *äyile*, наличие которого соответствует культурно-исторической традиции пополнения лексического фонда заимствованиями из арабского языка и будет способствовать сохранению близости литературных языков тюркских народов.

Ключевые слова: семья, термин, арабизмы, фарсизмы, полисемия, метонимия, калька.

Введение

Известно, что различные предметы и явления порождают определенные представления и понятия о них. Потребность оперирования этими понятиями вызывает необходимость их обозначения в языке, как важнейшем средстве человеческого общения. Одним из путей обогащения словарного фонда предстает полисемия, в результате которой отдельные слова, отражающие наши представления о каких-либо проявлениях объективной реальности, становятся многозначными, называя новые предметы, явления и понятия на метафорической, метонимической или функциональной основе. Однако во многих случаях полисемия слов и наличие синонимов, отличающихся смысловыми и стилистическими оттенками, приходят в противоречие с требованиями строгой определенности понятий, особенно в разных отраслях науки, в юриспруденции, в сферах экономической и производственно-технической деятельности. Как известно, этим требованиям отвечает особая категория слов – термины, которые направлены на обозначение специальных понятий в разных областях знаний [1].

Целью исследования является анализ особенностей слов и словосочетаний, ядерной семой которых является значение 'семья', понимаемое в прежние времена чаще всего как единица хозяйствования.

Актуальность исследования не вызывает сомнения, поскольку семья представляет собой фундаментальную социальную структуру, которая играет ключевую роль в жизни человека и общества. В данной статье рассматриваются такие обозначения понятия «семья» в казахском языке, как *tütün*, *şańıraq*, *tündik (tündük)*, *qazan* и др.

Материалы и методы

Материалами для исследований послужили сведения, содержащиеся в историко-этнографических трудах и данные ряда двуязычных и толковых словарей. В ходе исследования затронутой проблемы были использованы следующие методы: лексико-семантического анализа, сравнительный, описательный и этимологический.

Обзор литературы

Перманентным характером развития науки объясняется сохранение актуальности проблем, связанных с терминологией, которая пребывает в непрерывном процессе развития в связи с появлением новых научных дисциплин, теорий и понятий. К изучению вопросов терминоведения обращались известные лингвисты Фердинанд де Соссюр [2], Д. Лотте [3],

Э. Бенвенист [4], О. Вюстер, Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, Б.Н. Головин, В.П. Даниленко, В.А. Звегинцев и др.

Обретение Казахстаном суверенитета позволило реализовать меры по укреплению социального статуса казахского языка, повышению его престижа, расширению сфер применения и увеличению числа лиц, владеющих им. Казахские языковеды активно стали развивать национальную терминологию, продолжая осуществлявшуюся в этом направлении деятельность А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Жумабаева, С. Аспендиярова, А. Маргулана, М. Ауэзова и др. Например, в работах К. Жубанова «Термин сөздердің спецификасы», «О терминологии казахского литературного языка, принимаемой государственной терминологической комиссией», «К пересмотру казахской орфографии» излагаются принципы построения алфавита, орфографии и терминологии. Однако многие термины, использовавшиеся в разных отраслях науки, еще не были переведены на казахский язык.

Результаты и обсуждение

Принятие в нашем государстве Закона «О языках в Республике Казахстан» явилось одним из стимулов деятельности по развитию и совершенствованию казахской терминологической лексики, особенно в сфере права и экономики. Здесь можно отметить, что традиционными источниками пополнения фонда специальных слов и составных наименований в казахском языке предстают исконная лексика, слова арабского происхождения и интернациональные термины. Например, устаревшее слово *beren* ‘сталь высокого качества’, встречавшееся в казахском фольклоре в словосочетаниях *aq beren* ‘доспех из металлических пластинок, скрепленных кольцами’, *kök beren* ‘ружье, ствол которого изготовлен из прочной стали’ (*beren miltiq*), в настоящее время перешло в разряд используемой лексики, получив новое терминологическое значение ‘бронезилет’ [5].

Однокоренные арабские слова *كامل* *kāmil* ‘полный, законченный, совершенный’, *كمال* *kamāl* ‘совершенство, законченность, полнота’ и производное от него *كَمَالِيَّة* *kamāliyyat* (с тем же значением) заимствованы казахским языком, соответственно, в виде *kāmil*, *kemel* и *kāmelet*. Последняя лексема приобрела со временем специальное значение ‘совершеннолетие, зрелость’ и закрепилась в устойчивом словосочетании *kāmelettik attestat* (аттестат зрелости – свидетельство об окончании средней школы); в форме дательного падежа, сочетаясь с глаголами *jetiw* ‘достичь’ и *toliw* ‘исполниться’, переводится как ‘достижение совершеннолетия’.

У казахов издавна существует ряд слов и словосочетаний, ядерной семой в которых является значение ‘семья’, понимаемое в прежние времена чаще всего как единица хозяйствования. Продолжительное время понятие *семья* на казахском языке обозначали сложным словом *отбасы*, иногда использовали лексическое новообразование *жанұя*. Однако позднее Государственной терминологической комиссией было утверждено слово *отбасы*.

Рассмотрим использование древнетюркского слова *tütün*, букв. ‘дым’, в переносном значении. Очевидно, что в условиях кочевого скотоводства коллективные поселения и отдельные хозяйства не были стационарно связаны с конкретными земельными наделами, дворами, усадьбами; поэтому за счетную единицу принималось жилище, в которой проживала группа близких родственников. Центральное место в жилом помещении занимал очаг, на котором разводили огонь для приготовления пищи и обогрева внутреннего пространства дома, кибитки. Поговорка *Нет дыма без огня* объясняет, почему дым как явление стал визуальным

сигналом обитаемого жилья, а у слова *tütün* появилось новое значение. Некоторыми земледельческими народами оно могло быть переведено на их языки и усвоено вместе с системой исчисления подданных и налогового сбора еще со времен Великого переселения народов, господства гуннов в Средней Азии (белые гунны-эфталиты, хиониты и кидариты), в Восточной и Центральной Европе.

Нельзя исключить то, что в период существования в центре средневековой Европы могущественного Аварского каганата либо позже – во время появления на севере Балканского полуострова Болгарского ханства – данники-славяне заимствовали этот социальный термин в виде лексической кальки, т.е. буквально перевели его на свой язык, но с закреплением за ним его нового, переносного значения.

О порядке сбора правителями Хазарского каганата с подвластных восточнославянских племен полян, северов и вятичей дани «от дыма», т.е. от каждого жилья, упоминается в «Повести временных лет» [6]. Вплоть до XIX века единица податного обложения в Польше называлась *дымом*, через понятие *очаг* прямо обозначая дом, крестьянскую усадьбу (семью) [7]. Добавим, что в Имеретии (историческая область Грузии) со времен средневековья численность населения определялась также словом, имевшем прямое значение ‘дым’. Хроники сообщают о переселении на территорию Восточной Грузии в XII веке 40 000 «дымов», или кибиток половцев-кипчаков. Ч. Валиханов, повествуя о нападении джунгар на кочевья киргиз-калмыков, употребляет слово *дым* в значении ‘семья’ [8].

Персидское *دودمان* *dud[e]man* имеет значения ‘семья, семейство; род, племя’. Производящая основа этой лексемы – существительное *دود* *dud* ‘дым’. Слово *tütün*, имеющее в казахском языке прямое значение ‘дым’, на основе метонимии прежде использовалось в переносном смысле ‘семья’. Фразеологизм *tütün tütetiw* можно перевести как буквально ‘зажечь очаг’, букв. ‘задымить’, так и в переносном значении ‘жениться, создать семью, жить самостоятельно’. Выражение *oti janbağan (tutanbağan)*, букв. ‘тот, у кого не горит (не зажжен) огонь’, характеризует человека, не имеющего своего очага, т.е. дома и семьи [9].

Словосочетанием *tütün salıq* называли государственный сбор, налагаемый на каждое отдельное хозяйство (*ärbir jeke üy bası’na salınatın salıq*). Переносное значение слова *tütün* выражено в казахской рифмованной поговорке *Yeki jartı – bir bütün, / Yerli-qatın – bir tütün* ‘Две половинки – одно целое, / Муж с женой – одна семья’.

Нередко для выражения понятия *семья* употребляется слово *şañıraq* ‘деревянный круг на верху юрты [используемый как дымоход]’, фразеологизм *qara şañıraq* обозначает ‘дом отца по отношению к его сыновьям’, другая фразема *şañıraq köter- (qur-)* ‘поднять (воздвигать) шанырак’ передает смысл ‘обзаводиться своей семьей’.

Развитие новых лексических значений произошло через ряд последовательных метонимических переносов, осуществляемых на основе постоянной связи во времени и пространстве двух явлений или предметов, в данном случае *группы жильцов* и *зажженного очага*, почитаемого святым местом жилища (*ошаq*); затем очага, где готовили пищу и огонь которого обогревал помещение в осенние холода и зимнюю стужу, и *очажного дыма* (*tütün*); впоследствии дыма и отверстия-дымохода в своде, ограниченного размерами *круглого навершия* юрты (*şañıraq*); и, наконец, последнего звена в этой логической цепи – отверстия в куполе и его *войлочного покрытия* (*tündik*).

Слова *tütün*, *şañıraq* и *tündik (tündük)* в результате смыслового развития оказались синонимами в своих вторичных значениях, определяя семью как субъект хозяйственной деятельности. Отметим, что у киргизов один из старых видов налога назывался *tündük-zäket*, т.е. подымный сбор с каждой юрты (взимался с местного населения в пользу кокандских ханов) [10]. Кроме того, в казахском языке встречалось изафетное словосочетание *tündik bası (tütün tütetetin är-bir üy)*, которое по грамматической структуре и композиционной семантике аналогично выражению *ot bası*, букв. ‘глава, начало огня’ (переносное значение у этой синтагмы – ‘семья’). Фразеологизм *ot bası, oşaq qası*, букв. ‘близ огня, возле очага’, отражает понятие *домашний очаг*, т.е. *семья* [11].

Казахское слово *о́сақ* имеет следующие лексические значения: 1. Очаг. 2. Печь.

3. Семья. Русское слово *очаг* было заимствовано из древнетюркского наречия (ср. турецк. *osak*, узбекск. *ochoq*, казахск. *oşaқ*) в прямом и переносном значениях: 1. Устройство для разведения и поддержания огня, печь. 2. Родной дом, семья (*Вернуться к родному очагу*). Второе производное значение лексемы *очаг* ‘место, откуда что-нибудь распространяется’, видимо, появилось уже в русском языке. Следует отметить, что в иранском языке тюркизм *اچاق odjaq* передает следующие значения ‘очаг; печь; плита; камин; горн; семейство; род; династия’.

Иногда в старину для обозначения семьи использовалось слово *qazan*, букв. ‘котел, казан’, что нашло отражение в казахской фразе *qazanı basqa* ‘самостоятельная семья’ (см. фразу из документа эпохи царизма: «кизлярских нагаевъ 420 котловъ, разделенных на 13 ауловъ»).

Понятие *семья* как элементарный социально-экономический комплекс (люди, хозяйство, земельное владение) в казахском языке выражается такими парными словами, как *tal-jan*, букв. ‘скот, имущество + души’, *üy-jau*, букв. ‘дом + место, местожительство’. Кроме того, отделение взрослых женатых сыновей от отцовского очага и создание новых семей обозначалось словами *üy bol-*, букв. ‘стать домом’, *üy köter-* ‘поставить юрту’ в результате чего у лексемы *üy* ‘дом’ появилось переносное значение ‘семья’ (*üy bası* ‘подомный налог [при царизме]’).

Производный от тюркского слова *ev ~ üy* ‘дом’ глагол *evlen- ~ üylen-*, букв. ‘обзавестись домом’, приобрел значение ‘основать семью, жениться’, а противопоставленные ему по признаку «активный – пассивный залог» глаголы **evger > ever- ~ evlendir-* – значение ‘женить; выдавать замуж’ и *üylendir-* ‘женить’. Слова *ev* и *hane*, имеющие прямое значение ‘дом, помещение’, в Турции, где издавна было развито земледелие, в переносном значении используются для обозначения двора, отдельного крестьянского хозяйства и служат единицей счета [12].

Отмеченные изменения в семантике характерны и для общего родового слова *üy* ‘дом’, одним из значений которого является ‘отдельное помещение для жилья в доме’ (*awız üy* – передняя, *tög üy* – гостиная, *demalis üy* – спальная, *qoғın üy* или *qarsı üy* – противоположные комнаты) [13].

Часто в речи казахов для обозначения только домочадцев, т.е. жены, детей и иных проживающих вместе близких родственников, применяется словосочетание *üy işi*, которое имеет следующую семантику: 1. Внутренняя обстановка, интерьер (в противоположность *üy sırtı* ‘внешнее пространство дома’). 2. Семья. Устойчивое сочетание слов *üy içi* в узбекском языке имеет ту же семантику ‘дом, семья’. Здесь следует добавить, что для перевода слова *семья* с русского на туркменский и узбекский языки, помимо других слов, используется лексический дуплет *bala-çağa ~ bolā-çaqa*, букв. ‘дети’, где обе части сочетания синонимичны (ср. казахск. *balalı-şaғalı* ‘семейный’).

Новая семейная ячейка, получившая свой надел (скот, уголья, постройки, иное имущество), называлась *otaw* ‘юрта, дом для молодоженов; семья молодых’; в прямом значении это слово у казахов обозначало небольшую свадебную юрту, которую обычно изготавливали в качестве приданого дочери (*aq otaw*). Русским эквивалентом устойчивого словосочетания *otaw qur-* предстает выражение *создать семью*. Во многих тюркских языках аналогичным словом обозначали как разновидность жилья, так и отдельные помещения в нем. Киргизы словом *otaw* называют облегченный тип юрты, балкарское *otaw* – пристроенная к жилью дополнительная комната для молодоженов, азербайджанское *otag* и турецкое *oda* употребляется для обозначения комнаты.

Ч. Валиханов в своей статье «Очерки Джунгарии» приводит пояснение, что в жаргоне купцов походная палатка именовалась словом *огонь*: «К 25 числу сентября на этом месте собралось до 60 палаток, или, как принято в караванном языке, до 60 огней... Соединенный наш караван состоял из десяти огней и число людей увеличилось до 60» [14]. Основываясь на данном сообщении, а также на наличии в лексике казахского языка глагола *otas-* ‘жить совместно’ (в супружестве, букв. ‘вместе зажигать огонь’) и фразеологизма *[birew'diñ] otıñ jaq-* ‘стать [чьей-либо] женой; создать [с кем-либо] семью’, букв. ‘зажечь [чей-то] огонь’, можно предположить о том, что слово *otaw* ‘жилище’ образовано от глагола *ota-* ‘разводить

огонь', в свою очередь, производного от существительного от 'огонь', ср. тюркск. otağ> русск. *своя ватага* 'своя семья' / Вл. Даль [15].

Слово *ot* также могло использоваться в значении 'семья', например, в поговорке *Oti basqa'nıñ tuıñ basqa* 'Очаги (семьи) – разные, и печаль [у них] – разная', отчасти близкой по смыслу известному высказыванию Л.Н. Толстого «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

В связи с изменением социально-экономических условий появилась необходимость в слове, обозначающем семью как новую социальную формацию, которое имело бы определенное, отвечающее юридическим отношениям содержание – 'группа живущих вместе родственников' (муж и жена, родители и дети) и было свободно от дополнительных смысловых нюансов.

Если члены семьи проживают в многоквартирном доме, включены в совершенно иную, отличную от прежних времен, правовую, в т.ч. налоговую, систему, работают в разных местах, не имеют единого сельского хозяйства либо частного предприятия, то для обозначения подобной семьи, имеющей определенные законом имущественные отношения, такие слова, как *üu, tütin, tündik, ot, otaw, ot bası, oşaq, şaıñraq, qazan, mal-jan, üu-jay* не вполне приемлемы. У всех вышеприведенных слов, используемых в казахском языке для обозначения понятия 'семья', семантическая структура сохраняет излишние дополнительные значения, смысловые и стилистические коннотации. Кроме того, переносные значения лексем *tütin* и *tündik* оказались архаичными, так как семантическое поле (логическая связь обозначенных предметов, явлений и понятий, тематическая группировка соответствующих слов) и исторический фон, связанный со временем возникновения переносного значения, существенно изменились.

Осознаваемая многими людьми потребность в слове, имеющем строго определенное значение 'совокупность близких родственников, проживающих вместе', вызвала появление в языке нового лексического образования *jan uya*, а также обусловила употребление в казахской речи русского слова *семья*. Оба названия, видимо, нельзя признать литературной нормой по следующим причинам. Первое выражение *jan uya* является метафорическим – буквально 'гнездо души', подразумевающим место проживания людей (слово *jan* 'душа' здесь используется в значении 'человек', ср. русское выражение *Не видно ни души*); и его употребление более оправданно в художественном стиле речи, допускающем использование поэтических образов, нежели, например, в строго детерминированном тексте Кодекса о браке и семье.

Встречающееся не только в устной речи, но и зафиксированное в некоторых казахских словарях слово *семья* в сложившихся условиях развития и взаимоотношения культур может рассматриваться как не вполне приемлемое смешивание двух языков и относится, на наш взгляд, к разряду варваризмов. Случается и такое, когда недостаточно хорошо владеющие родным языком казахи в процессе общения вносят в свою речь чуждые элементы и даже целые лексико-грамматические конструкции. Через их смешанную речь подобные ошибки способны проникать в казахский язык. Так, например, вместо общетюркской модели пожелания ... (*quttı, mübaräk, hayırlı, qabul*) *bolsın!* все чаще встречаются русифицированные грамматические построения с постоянным компонентом ...-men (-ben) *quttıqta-* '... поздравлять с чем-то'. Например, взамен традиционного новогоднего поздравления *Jaña jıl[iñiz] quttı bolsın!* в наше время обычно говорят и пишут: *Jaña jıl[iñiz]ben quttıqtaymız!* или даже *Jaña jıl[iñiz]ben! ~ Meýramlarıñizben ~ Merékeleriñizben!*, что представляет собой грамматическую кальку русских выражений *С Новым годом (поздравляем)! ~ С праздником!*, в которых имена оформлены окончаниями творительного падежа.

То или иное слово, представляющее собой определенный звуковой комплекс и рассматриваемое в фонетическом аспекте, может оцениваться формально, с учетом количества и качества фонем, т.е. размера слова и его благозвучия (эвфонии), с учетом артикуляционной сложности, т.е. соответствия звуков слова фонологии родного языка. Но в этом плане нельзя делать выводы о целесообразности использования какого-либо слова, будь

то исконное или заимствованное. Однако на лексико-семантическом уровне, при определенных историко-культурных условиях положение меняется.

В современных условиях развития национальной культуры и роста этнического самосознания, некоторые лексемы, в некоторых случаях – фонографические варианты слов (при их наличии), могут восприниматься как более или менее предпочтительные либо отвергаться. Например, трудно оправдать существование в казахском языке таких словосочетаний, как *балалар творчествосы* ‘творчество детей’ или *творчестволық бірлестігі* ‘творческое объединение’. Создатели этих лексических композит, видимо, не утруждали себя поиском эквивалента русского слова “творчество”.

Обратившись к лексическому фонду и лингвистической практике иных тюркских народов, находим, например, в турецком языке обозначение понятия *творчества* [как деятельности] словами *yaratma kuvveti*, *yaratıcılık*, а русский глагол *творить* переводится словами *yaratmak*, *vücut’e* (в форме дательного падежа) *getirmek*. Приведем казахское слово *jaratıw*, которое имеет значение ‘сотворить, создать что-нибудь’ и предстает генетически близким турецкому *yaratmak*.

От арабского заимствования *إيجاد* *īdjād* ‘создание, творение’ образовано узбекское глагольно-именное сочетание *tjod qılış* ‘творение [как процесс]’. В лексическом фонде узбекского языка имеется также производное слово *tjodiyuot* < арабск. *إيجادية* *īdjādiyyat* и собственно тюркское *yaratış* со значением ‘творчество’ < *yarat-* ‘создавать’. Отметим, что в казахской литературе изредка встречаются указанные арабизмы: лексема *tjad* в значении ‘творение; издание’ и однокоренное ей слово *ıjud* (ср. турецк. *vücut*) ‘существование, бытие; наличие, присутствие’ [16]. Следовательно, есть в языке собственные лексические возможности для обозначения понятия *творчество*, а также иных понятий, явлений и предметов, и надо их использовать, не создавая серию неудачных словесных гибридов.

Обратившись к языкам тюркских народов, имеющим развитую письменность и богатый лексический фонд, можно отметить логический подход к формированию терминологии, учитывающий многовековую традицию усвоения через религиозную, научную, художественную литературу и посредством устной речи слов арабского происхождения.

На примере некоторых слов отметим тенденцию, определившуюся в современном казахском языке. Например, вместо ранее широко употреблявшихся (но в то же время явно осознаваемых как инородные) слов *директор*, *текст*, *процент* появились известные в ряде других тюркских языков новые лексемы *müdür*, *mätin*, *paız*, которые воспринимаются в речи органично, соответствуя фонетике (звуковому строю) языка.

Наличие в языках большинства тюркских этносов арабизмов и фарсизмов, которые обозначают социальные и природные явления, абстрактные понятия и предметы материальной культуры, так же, как и сохранившийся массив исконной лексики, способствуют объединению и взаимопониманию представителей тюркской нации.

Для номинации понятия *семья* в ряде тюркских языков, наряду с другими синонимами, активно применяется арабское слово *عائلة* ‘*äyila*’ (например, татарск. *ğayilä*, узбекск. *oyilä*, турецк. *aile*); в персидском языке указанная лексема в фонетических вариантах *عيله* *aye* ~ *عائله* *aele* имеет значения: 1. Семья, семейство. 2. Жена, супруга. Казахи широко используют однокоренное слово *äyel* в значении ‘женщина; жена’, заменив исконное *qatın*, которое характеризуется стилистически сниженной окраской, получив в речи оттенок вульгарности; в фарси ему соответствуют варианты *عیال* *äyal* ~ *eyal*, в узбекском – *äyöl* ‘женщина’.

Заключение

Использование в казахском литературном языке для обозначения понятия ‘семья’ – с учетом современного статуса этой общественной формации – арабского слова *عائلة* ‘*äyila*’ в адаптированной форме *äyile* не противоречит культурно-исторической традиции; оно будет лишь способствовать обогащению словарного состава, сохранению близости литературных языков тюркских народов. Это слово свободно от излишних смысловых нюансов, имеет строго ограниченное значение, т.е.

обладает признаками термина, генетически и семантически соотносится с ранее освоенным словом *äyel* и может успешно использоваться в литературном языке.

Употребление таких слов, как *üy, üy işi, üy-jay, tütün, şaşıraq, tündik bası, ot, otaw, ot bası, qazan, mal-jan, jan uya, oşaq* и *семья* в официально-деловом стиле, в научно-публицистической и иных сферах, требующих строго определенного значения 'совокупность живущих вместе близких родственников' (супруги, родители с детьми), представляется неприемлемым ввиду приведенных выше доводов.

Литература

1. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
2. Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. Пер. с французск. яз. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
3. Lotte D.S. Principes d'établissement d'une terminologie scientifique et technique. Лотте Д. Очередные задачи научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1931. – 158 с.
4. Émile Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. Изд. 3. УРСС, 2009. – 448 с.
5. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. – М.: ГИИНС, 1953. – С. 49.
6. Повесть временных лет. Хрестоматия по древней русской литературе. – М.: Просвещение, 1973. – С. 7.
7. Жеромский С. Пепел. Роман-хроника к. XVIII н. XIX вв. – М.: Художеств. лит-ра, 1967. – С. 799.
8. Валиханов Ч. Избранные произведения. – М.: Наука. Главн. редакция восточн. лит-ры, 1986. – С. 285.
9. Казахско-русский фразеологический словарь / Кожахметов Х.К. и др. Алма-Ата: Мектеп, 1988. – С. 145.
10. Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – Том 7. – С. 259.
11. Казахско-русский фразеологический словарь / Кожахметов Х.К. и др. – Алма-Ата: Мектеп, 1988. – С. 145.
12. Русско-турецкий словарь / Сост. Д.А. Магазанник, М.С. Михайлов. – М.: ОГИЗ, 1946. – С. 67.
13. Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.
14. Валиханов Ч. Избранные произведения. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1986. – С. 291.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. – М.: Русский язык, 1989. – С. 167.
16. Арабша-қазақша түсіндірме сөздік / Н.Д. Оңдасынов. – Алматы: Мектеп. Том 1. – 1984. – С. 55; Том 2. 1989. – С. 208.

References

1. Kodukhov V.I. Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. – M.: Prosveshchenie, 1979. – 351 p. (in Russian)
2. Ferdinand de Saussure. Trudy po yazykoznaniiyu [Works on linguistics]. Per. s frants. yaz. A.A. Kholodovicha. – M.: Progress, 1977. – 696 p. (in Russian)
3. Lotte D.S. Principes d'établissement d'une terminologie scientifique et technique [Principles of establishing scientific and technical terminology]. Lotte D. Ocherednye zadachi nauchno-tekhnikeskoi terminologii [Current tasks of scientific and technical terminology]. – M.: Nauka, 1931. – 158 p. (in Russian)
4. Émile Benveniste. Problèmes de linguistique générale [Problems of general linguistics]. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General linguistics]. – M.: Progress, 1974. Izd. 3. URSS, 2009. – 448 p. (in Russian)
5. Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language] / Sost. S.I. Ozhegov. – M.: GIINS, 1953. – P. 49. (in Russian)
6. Povest vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. Khrestomatiya po drevnei russkoi literature [Reader on Old Russian literature]. – M.: Prosveshchenie, 1973. – P. 7. (in Russian)

7. Zheromskii S. Pepel [Ashes]. Roman-khronika k. XVIII n. XIX vv. [Chronicle novel of the late 18th – early 19th centuries]. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1967. – 799 p. (in Russian)
8. Valikhanov Ch. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. – М.: Nauka. Glavn. redaktsiya vostochnoi literatury, 1986. – P. 285. (in Russian)
9. Kazakhsko-russkii frazeologicheskii slovar [Kazakh-Russian phraseological dictionary] / Kozhakhmetov Kh.K. i dr. – Alma-Ata: Mektep, 1988. – P. 145. (in Russian)
10. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia]. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1965. – T. 7. – P. 259. (in Russian)
11. Kazakhsko-russkii frazeologicheskii slovar [Kazakh-Russian phraseological dictionary] / Kozhakhmetov Kh.K. i dr. – Alma-Ata: Mektep, 1988. – P. 145. (in Russian)
12. Russko-turetskii slovar [Russian-Turkish dictionary] / Sost. D.A. Magazannik, M.S. Mikhailov. – М.: OGIZ, 1946. – P. 67. (in Russian)
13. Kazakhi. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Kazakhs. Historical and ethnographic research]. – Almaty: Kazakhstan, 1995. – 352 p. (in Russian)
14. Valikhanov Ch. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. – М.: Nauka, Gl. red. vost. lit-ry, 1986. – P. 291. (in Russian)
15. Dal V. Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. T. 1. – М.: Russkii yazyk, 1989. – P. 167. (in Russian)
16. Arabsha-qazaqsha tusindirme sozdik [Arabic-Kazakh explanatory dictionary] / N.D. Ondasynov. – Almaty: Mektep, 1984. – T. 1. – P. 55; 1989. – T. 2. – P. 208. (in Kazakh)

Х.Ш. Илиуф*, Т.Д. Исабаева

Шәкәрім университеті,

071412, Қазақстан Республикасы, Семей қ., Глинка к-сі, 20А

*ORCID: 0009-0007-0038-2386

*e-mail: murat_20@mail.ru

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ «ОТБАСЫ» ҰҒЫМЫН БІЛДІРЕТІН СӨЗДЕРДІ ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕСІ

Аңдатпа. Бұл мақалада қазақ тіліндегі ‘от басы’ (family) мағынасын білдіретін сөздерді зерттеу нәтижелері берілген. Түтін, шаңырақ, түндік (түндік) сөздерінің қосалқы мағынада синонимге айналғаны, отбасын шаруашылық қызметтің субъектісі ретінде айқындағаны атап өтіледі. Сондай-ақ қазақ тілінде грамматикалық құрылысы мен композициялық семантикасы жағынан от басы тіркесіне ұқсас түндік басы деген изафеттік тіркес пайда болды. Қазақ тіліндегі қарапайым әлеуметтік-экономикалық кешен ретіндегі ‘отбасы’ ұғымының мал-жан, үй-жай сияқты жұп сөздермен, ал отау құрған ұлдарды әке ошағынан ажыратып, жаңа отбасы құруды үй болу, үй көтеру сөздерімен білдіретініне назар аударылады. Жаңа лексикалық мағыналардың дамуы екі құбылыстың немесе заттардың (тұрғындар тобы мен отты ошақтың) уақыт пен кеңістікте бірінен соң бірі метонимдік ауысуы арқылы жүзеге асатыны баса айтылады.

«Бірге өмір сүретін жақын туыстар тобы» деген қатаң анықталған мағыналы сөздің қажеттілігі тілде метафоралық және поэтикалық бейнелерді қолдануға мүмкіндік беретін көркем сөйлеу стилінде кездесетін жан ұя жаңа лексикалық формацияның пайда болуына әкелді.

Әлеуметтік-экономикалық жағдайлардың өзгеруі нәтижесінде отбасын жаңа қоғамдық формация ретінде белгілейтін және мазмұны бар ‘бірге тұратын туыстар тобы’ (ерлі-зайыптылар, ата-аналар мен балалар), құқықтық қатынастарға сәйкес келетін және қосымша мағыналық реңктерден ада болатын сөздің қажеттілігі туындады. Авторлар лингвоәлеуметтік тәжірибеге әйіле сөзінің қолданылуын енгізу орынды деп есептейді, оның болуы лексикалық қорды араб тілінен алынған сөздермен толықтырудың мәдени-тарихи дәстүріне сәйкес келеді және түркі халықтарының әдеби тілдерінің жақындығын сақтауға септігін тигізеді.

Тірек сөздер: отбасы, термин, арабизмдер, фарсизмдер, полисемия, метонимия, калька.

H.Sh. Iiuf*, T.D. Issabayeva

Shakarim University,

071412, Republic of Kazakhstan, Semey, 20A Glinka str.

*ORCID: 0009-0007-0038-2386

*e-mail: murat_20@mail.ru

ON THE QUESTION OF WORDS DESIGNATING THE CONCEPT OF «FAMILY» IN THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract. This article presents the results of a study of words with the nuclear seme 'family' in the Kazakh language. It is noted that the words *tütin*, *şañıraq* and *tündik* (*tündük*) have evolved into synonyms in their secondary meanings, defining the family as a subject of economic activity. Also in the Kazakh language there was an *izafet* phrase *tündik bası*, which in grammatical structure and compositional semantics is similar to the expression *ot bası*. Attention is drawn to the fact that the concept of “family” as an elementary socio-economic complex in the Kazakh language was expressed by such paired words as *mal-jan*, *üy-jay*, and the separation of married sons from the father’s hearth and the creation of new families was designated by the words *üy bol-*, *üy köter-*. It is emphasized that the development of new lexical meanings occurred through a series of successive metonymic transfers in time and space of two phenomena or objects (a group of residents and a lit hearth).

The need for a word with a strictly defined meaning of ‘a group of close relatives living together’ led to the emergence of a new lexical formation in the language, *jan uya*, which is metaphorical and is found in an artistic style of speech that allows the use of poetic images.

As a result of changes in socio-economic conditions, there arose a need for a word that would designate the family as a new social formation and would have content (‘a group of relatives living together’ (husband and wife, parents and children), would correspond to legal relations and would be free from additional semantic nuances. The authors believe it is appropriate to introduce the use of the word *äyile* into linguosocial practice, the presence of which corresponds to the cultural and historical tradition of replenishing the lexical fund with borrowings from the Arabic language and will contribute to maintaining the closeness of the literary languages of the Turkic peoples.

Keywords: family, term, arabizms, farsisms, polysemy, metonymy, calque.

Сведения об авторах

Илиуф Хаджимурат Шаяхметович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков НАО «Шәкәрім университет», Республика Казахстан, Семей, e-mail: murat_20@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0038-2386>.

Исабаева Турсын Душановна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков НАО «Шәкәрім университет», Республика Казахстан, e-mail: t.isabaieva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3998-2147>.

Авторлар туралы мәліметтер

Илиуф Хаджимурат Шаяхметұлы – филология ғылымдарының кандидаты, «Шәкәрім университеті» КеАҚ шетел және орыс тілдері кафедрасының аға оқытушысы, Қазақстан Республикасы, Семей, e-mail: murat_20@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0038-2386>.

Исабаева Турсын Душановна – педагогика ғылымдарының кандидаты, «Шәкәрім университеті» КеАҚ шет және орыс тілдері кафедрасының аға оқытушысы, Қазақстан Республикасы, Семей, e-mail: t.isabaieva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3998-2147>.

Information about the authors

Khadzhimurat Iiuf – candidate of philological sciences, senior lecturer, Department of foreign and russian languages, NJSC «Shakarim University», Republic of Kazakhstan, e-mail: murat_20@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0038-2386>.

Tursyn Issabayeva – candidate of pedagogical sciences, senior lecturer of the Department of foreign and russian languages, NJSC «Shakarim University», Republic of Kazakhstan, e-mail: t.isabaieva@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3998-2147>.

Поступила в редакцию 29.10.2025

Принята к публикации 22.12.2025